

Иосиф Сергеевич Киссельгоф

РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ВОССТАНИЕ

5—6 ИЮНЯ 1832 Г. В ПАРИЖЕ

Французский ежегодник 1974

М.: Наука. 1976

Веб-публикация: **Vive Liberta**

Ниже мы публикуем посмертно статью И. С. Киссельгофа, видного специалиста по истории Франции, скончавшегося 19 мая 1973 г.

И. С. Киссельгоф родился в 1908 г. в г. Торопце Калининской области. Его трудовая деятельность началась в 1927 г. после окончания Ленинградского педагогического техникума им. Ушинского. До 1938 г. он работал учителем в школах города Ленинграда. После окончания вечернего отделения Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена был оставлен в аспирантуре этого же института, которую окончил в 1941 г., защитив кандидатскую диссертацию на тему: «Общество друзей народа» и республиканское восстание 1832 г. в Париже». Результаты своего исследования Иосиф Сергеевич опубликовал в ряде статей («Процесс девятнадцати», «Общество друзей народа», «Борьба республиканцев Парижа против Июльской монархии и процесс пятнадцати» и др.).

В 1941 г. он был направлен на работу в Вологодский педагогический институт, где работал доцентом и деканом исторического факультета, а затем заведующим кафедрой всеобщей истории. В 1947—1951 гг. И. С. Киссельгоф работал доцентом кафедры новой и новейшей истории Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, а с сентября 1951 г. до конца своей жизни — в Башкирском государственном университете сначала деканом факультета, с 1959 г. — заведующим кафедрой всеобщей истории.

В мае 1967 г. Иосиф Сергеевич защитил докторскую диссертацию на тему: «Вишистский режим во Франции в годы второй мировой войны». В марте 1968 г. был утвержден в звании профессора.

И. С. Киссельгоф был автором ряда фундаментальных работ по истории французского Сопротивления, опубликованных в различных изданиях, в том числе и во «Французском ежегоднике»: «Капитуляция Франции и вишистский режим в 1940—1941 гг.», «Образование национального фронта борьбы за независимость Франции», «Правящие круги и народные массы Франции после нападения гитлеровской Германии на СССР» и др. Он являлся и автором некоторых историографических статей, опубликованных в разных изданиях.

Под руководством И. С. Киссельгофа кафедра всеобщей истории Башкирского университета превратилась в важный периферийный центр по изучению истории Франции. Он был постоянным редактором выходивших в Уфе сборников «Из истории Франции».

И. С. Киссельгоф был талантливым лектором, педагогом, его лекции по новейшей истории, спецкурсы по истории международных отношений и новейшей истории Франции, а также спецсеминары по истории французского Сопротивления неизменно пользовались большим успехом у студентов.

Преждевременная кончина И. С. Киссельгофа — большая потеря для советских историков, занимающихся изучением истории Франции.

Формирование промышленного пролетариата во Франции в 30—40-х годах XIX в. сопровождалось бурными волнениями рабочих и крестьян, в том числе вооруженными восстаниями 1831, 1832, 1834 и 1839 гг., способствовавшими развитию классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией.

Первое вооруженное восстание республиканцев Парижа против Июльской монархии интересно тем, что на баррикадах рядом с республиканцами сражались рабочие, становившиеся на путь политической борьбы. Восстание 1832 г. было воспето современниками: Луи Бланом, В. Гюго и Г. Гейне, увидевшими в его участниках «героев нового времени», — народ, массу, молодежь, проливавшую свою кровь «ради великодушнейшей грезы своей души»¹.

* * *

Июльская революция, в результате которой к власти пришла крупная финансовая буржуазия, не оправдала чаяний широких масс. Уже 30 июля передовые республиканцы поднялись на борьбу против «воплощенной лавки», как назвал Июльскую монархию Генрих Гейне. В этот день в ресторане Луантье, политическом центре первых дней революции, было образовано «Общество друзей народа» для защиты суверенных прав народа. Его основателями были активные участники Июльской революции, бывшие карбонарии, люди, находившиеся под влиянием традиций Великой революции XVIII в.: Жан Луи Юбер, бывший карбонарий, первый председатель общества врач Улисс Трела; пламенный республиканец Огюст Кон, поклонник Робеспьера и его Декларации прав человека и гражданина, вскоре возглавивший левое крыло общества, так называемых «якобинцев»; литератор Эжен Планьоля; журналист и студент-правовед Жан Франсуа Дантон и литератор Делонэ². В 1831 г. к «Обществу друзей народа» присоединились и стали играть в нем ведущую роль такие видные республиканцы, как Огюст Бланки, Франсуа Распайль, Годфруа Кавеньяк, Жюль Бастид, Антони Турэ, Апиль Рош и другие. В общество входили или были близки к нему Шарль Тест и Буайе д'Аржансон — друзья и сторонники Ф. Буонарроти.

Пламенные выступления республиканцев на бесконечных судебных процессах, их агитация среди рабочих, издание дешевых пропагандистских брошюр для народа — все это способствовало политическому воспитанию рабочих и вовлекало в ряды республиканцев их передовых представителей. В этих брошюрах, издаваемых под грифом «Общество друзей народа», под редакцией Антони Турэ, Огюста Бланки и Распайля, давались объяснения происходящим событиям. В брошюре от 5 июля 1831 г. был ряд параграфов с выразительными заголовками, которые должны были привлечь внимание рабочих: «Почему народ умирает с голоду?», «Что думает рабочий?», «Что делает армия?». В брошюре было напечатано и письмо жестящика Жолли об утерянной свободе, о судебных преследованиях, об изгнании рабочих из национальной гвардии, об отказе в праве рабочих иметь свое мнение. Правительство немедленно конфисковывало эти брошюры, но их распространяли быстрее, чем полицейским удавалось их изымать. «Бедный народ, — писали «Друзья народа». — Тебе отказывают в работе, тебе отказывают в праве читать, а если ты говоришь, то тебя преследуют судом»³.

В ответ на запрещение властей праздновать день взятия Бастилии — 14 июля 1831 г. — «Общество друзей народа» издало третий выпуск брошюры «К народу», в которой оно призывало к борьбе за свободу: «Народ! Вспомни о своих попранных правах, о твоем недостойно забытом суверенитете, о жадном эгоизме, пожирающем плоды твоих трудов и страданий. Вспомни, что свобода, завоеванная твоим мужеством, разорвана в клочья с помощью лицемерия и интриг, и, чтобы вновь завоевать ее, тебе следует опять проявить энергию и силу». Благодаря нескольким

¹ Г. Гейне. Собр. соч. в 10 томах, т. 5. М., 1958, стр. 359; см. также «Отверженные» В. Гюго.

² «Société des Amis du peuple. Procès des Quinze». Paris, 1832.

³ Ряд брошюр «Общества друзей народа» хранится в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — «Procès des Quinze». Paris, 1832.

интриганам, писали «Друзья народа», республика не была провозглашена, и Францию бросили к ногам короля.

В выступлениях членов «Общества друзей народа» не было четкого понимания классовой борьбы, но они смело ставили социальные вопросы и говорили о борьбе между аристократией, которая насчитывает несколько сот тысяч человек и захватила все богатства страны, все «выгоды цивилизации и привилегии праздности», и народом в 25—30 млн. человек, на долю которого остались «ужасы нищеты, горе невежества и наследственный удел самых тяжелых работ»⁴. О войне бедных и богатых говорил Огюст Бланки на процессе пятнадцати в январе 1832 г. Приводя пространные выдержки из брошюр и выступлений «Друзей народа», В. П. Волгин отмечал, что хотя в них и нет коммунистических воззрений, но резко выражено «отрицательное отношение к капиталистическому порядку..., имеются выпады против эгоизма буржуазии, против эксплуатации рабочих, даже против машин, отнимающих у рабочих хлеб»⁵.

В августе 1830 г. в Париж возвратился Буонарроти. Несомненно, старый революционер сыграл в деятельности левого крыла «Общества друзей народа» значительно большую роль, чем это ранее предполагали. Итальянский исследователь А. Саитта считает даже, что Буонарроти, действуя через своих друзей и сторонников — Шарля Теста, Вуайе д'Аржансона, Улисса Трела, Огюста Бланки и других, возможно, участвовал в создании «Общества друзей народа»⁶.

Известно, что по инициативе Буонарроти «Общество друзей народа» организовало, вооружило и послало в Бельгию батальон волонтеров в поддержку бельгийской революции 1830 г. Шарль Тест, один из руководителей общества в то время, был направлен в Брюссель⁷.

Когда стало известно о польском восстании, в Париже под председательством Лафайета был создан польский комитет. В марте в Париже в связи с поражением поляков начались волнения. В сентябре 1831 г., когда пала Варшава и стала известна фраза министра иностранных дел генерала Себастиани: «Порядок царствует в Варшаве»⁸, волнения усилились. В октябре «Обществом друзей народа» была опубликована брошюра «La Pologne est morte, à notre tour!», в которой резко обличалась реакционная политика правительства Перье, его союз с европейской реакцией. Республиканцы требовали привлечь к ответственности Перье и Себастиани, на руках которых «кровь Польши»⁹. С конца 1831 г. Париж стал центром польской эмиграции. В декабре во главе с Лелевелем возник Польский национальный комитет, установивший связи с демократическими организациями Парижа, с «Обществом друзей народа», с Буонарроти¹⁰. По некоторым данным, общество готовилось послать экспедицию в Савойю¹¹.

Первое вооруженное восстание лионских рабочих привело к усилению деятельности революционных элементов общества среди рабочих. В Лион были отправлены агитаторы. В декабре общество издало брошюру, в которой статья «Гражданская война» начиналась словами: «Порядок царствует в Лионе. Сулыт и возлюбленный сын короля вступили в Лион».

⁴ «Procès des Quinze», p. 51—58.

⁵ В. П. Волгин. Французский утопический коммунизм. М., 1960, стр. 102—106; см. также И. С. Киссельгоф. Борьба республиканцев Парижа против Июльской монархии и процесс Пятнадцати.— «Ученые записки Башкирского пед. института». Вып. VII, Уфа, 1956.

⁶ A. Saitta. Filippo Buonarroti, v. 1. Roma, 1950, p. 117—124.

⁷ A. Galante-Garrone. Filippo Buonarroti e i rivoluzionari dell'Ottocento (1828—1837). Torino, 1951, p. 206—210.

⁸ «Gazette des Tribunaux», N 1910, 27 septembre 1831.

⁹ «Procès soutenu au nom de cette société par Gaussuron-Despréaux et Beaumont». Paris, juillet 1832, p. 14—16.

¹⁰ См. «История Польши», том I, 1954, стр. 480—482; С. Кеневич. Лелевель (пер. с польского). М., 1970, стр. 14.

¹¹ S. Bernstein. Buonarroti. Paris, 1949, p. 247.

По аналогии с польскими событиями «Друзья народа» раскрывали карательный характер военной акции маршала Сульта. «Друзья народа» отмечали всеобщий характер эксплуатации рабочих: «Голодают не только в Лионе». Чтобы этого не было, «надо изменить человекоубийственную организацию общества». «Продукт труда должен вернуться к работнику. Законодательство должно ликвидировать эксплуатацию одного человека другим»¹². «Какую пропасть,— говорил Бланки на процессе пятнадцати в январе 1832 г.,— раскрыли перед нами лионские события!» Рабочие, задавленные налогами, умирают от нищеты не только в Лионе, но повсюду. Логика фактов красноречива: она говорит о борьбе не на жизнь, а на смерть между теми, кто получает прибыли, и теми, кто получает заработную плату. Один из руководителей «Общества друзей народа», Планьоль, в своем выступлении на этом же процессе заявил, что лионские рабочие, управлявшие городом с населением в 20 тыс. человек в течение восьми дней, доказали вопреки басням буржуазных писак свою способность к политической деятельности¹³.

Самым важным результатом воздействия лионского восстания на «Друзей народа» была организация секций «прав человека», в которые входили левые республиканцы и рабочие. Организаторами этих секций были Огюст Кон, Ф. Сюжье, литератор Госсюрон-Депрео и другие. Кон предложил взять в качестве программы секций робеспьеровскую Декларацию прав человека и гражданина, которую он назвал «пародной хартией»¹⁴. Первыми были секции портных, каменщиков, строителей, шапочников и другие.

К началу 1832 г. «Общество друзей народа» насчитывало до 400 человек, а число присутствовавших на его заседаниях порой превышало 2 тыс. человек¹⁵. Интересное описание одного из таких заседаний оставил нам Генрих Гейне, который посетил заседание общества 2 февраля 1832 г. Ему показалось, что от «собрания шел совсем такой же запах, как от зачитанного экземпляра «Moniteur» 1793 года». Однако было бы неверно вслед за Гейне считать, что на собрании «Друзей народа» говорили «на языке 1793 года»¹⁶. Бланки в докладе подчеркивал, что на смену борьбе между дворянством и народом пришла борьба между трудящимися и буржуазией. «Отныне между ним [народом.— И. К.] и средним классом начинается беспощадная война»¹⁷.

Республиканские манифестации, волнения, бесконечные судебные процессы, на которых при открытых дверях республиканцы произносили пламенные речи, призывая к борьбе за свободу и свержение правительства Луи Филиппа, находили отклик среди трудящихся. Воспитанию классового сознания рабочих способствовали стачки, выступления рабочих главным образом луддитского, либо продовольственного характера. Один из рабочих, маляр Бальзамен, привлеченный к суду за участие в волнениях, открыто заявил: «Надо уничтожить дворян, попов и богачей, революцией воспользовались только богачи, и это они делают рабочих несчастными: нужна другая революция в интересах народа!»¹⁸

Народное негодование привело к союзу между рабочими и республиканцами, который проявился во время похорон генерала Ламарка, когда

¹² Е. В. Тарле. Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства.— Е. В. Тарле. Соч., т. 6. М., 1959, стр. 241; Tchernoff. Le parti républicain sous la monarchie de Juillet. Paris, 1905, p. 265—266.

¹³ «Procès des Quinze», p. 85, 134.

¹⁴ Rittiez. Histoire du règne de Louis-Philippe, v. 1. Paris, 1855—1856, p. 360—368. Подробнее см.: И. С. Киссельгоф. К истории возникновения «Общества прав человека и гражданина».— «Французский ежегодник. 1961». М., 1962.

¹⁵ «Procès du droit d'association, soutenu et gagné en décembre 1832 par la Société des Amis du peuple». Paris, 1833, p. 35.

¹⁶ Г. Гейне. Французские дела.— Г. Гейне. Собр. соч., т. 5, стр. 271.

¹⁷ Л. О. Бланки. Избранные произведения. М., 1952, стр. 95.

¹⁸ «Gazette des Tribunaux», N 1817, 10 juin 1831.

разразилось восстание под лозунгом: «Свобода или смерть»¹⁹. Следует отметить, что это заметил и префект полиции Жиске. По его мнению, росту недовольства рабочих способствуют республиканцы, особенно после событий в Лионе 1831 г.²⁰

Начавшийся было экономический подъем в феврале 1832 г. почти сразу же был сорван страшной эпидемией холеры, поразившей Париж, и больше всего рабочие кварталы; в районе Ратуши и Ситэ, где господствовала нищета, умирали 53 человека из тысячи. В мае от холеры умер глава правительства Казимир Перье, «великий министр банкиров», как его называл Гейне. Смерть Перье окрылила врагов Июльской монархии, как легитимистов, так и республиканцев. Оживилась и парламентская оппозиция, состоявшая из легитимистских и республиканских депутатов. Принятый ею «Отчет оппозиции» при всей его умеренности в какой-то степени был обвинительным актом против правительства Июльской монархии и особенно «Системы 13 марта»²¹. Этот демарш оппозиционных депутатов усилил активность революционной молодежи.

В такой обстановке республиканская пропаганда получала отклик среди рабочих. Многие рабочие верили, что республика откроет путь к улучшению их положения.

Республиканцы обрушились на правящие круги; в ряде прокламаций они даже призывали к восстанию. В своей песне республиканский поэт В. Базьер призывал народ покончить с монархией, занять Тюильри, сравнять его с землей и посадить на этом месте деревья свободы²².

В эти дни революционные элементы из «Общества друзей народа» опубликовали и распространили новую брошюру под названием «De la civilisation». В ней был поставлен социальный вопрос: надо положить конец страшным бедствиям, которые терпят низшие классы. Авторы брошюры резко разоблачали социальные контрасты. Существуют, говорили они, дворцы и лачуги, великолепные кварталы с красивыми колоннадами и чудесными садами, а за роскошной оградой их — задыхающиеся как в темнице рабочие²³. «Друзья народа» заявляли, что берут на себя задачу «общественного спасения», однако не указывали конкретных путей решения этой задачи. Следует иметь в виду, что в Обществе усилился раскол между умеренными и революционными республиканцами, причем, по мнению префекта Жиске, часто брали верх «неистовые», как он называл левых деятелей Общества²⁴. Многие лидеры последних в это время находились в тюрьмах по январскому процессу пятнадцати. Некоторые из них — Распайль, Кон, Бониас и другие — находились в Сент-Пелажи. Бланки вскоре после ареста тяжело заболел и получил отсрочку в отбывании тюремного заключения²⁵. После ареста Распайля постоянного председателя «Общество друзей народа», видимо, не имело; по очереди эту должность занимали Сюжье, Планьольт, Дежарден и Годфруа Кавеньяк. Дежарден говорил, что «кресло председателя не было сипекурой»²⁶. Провокатор Делаод к революционным республиканцам относил Шарля Теста, Феликса Авриля, Дантона, Ритье, Делеклюза, Лебона, Планьоля и Кона²⁷. Тюр-Данжен сообщает, что на тайных засе-

¹⁹ H. Rigaudias-Weiss. Les enquêtes ouvrières en France entre 1830 et 1848. Paris, 1936, p. 18.

²⁰ «Mémoires de Gisquet, ancien Préfet de police, écrits par lui-même», v. III. Bruxelles, 1841, p. 145 (далее — «Mémoires de Gisquet»).

²¹ L. Blanc. Histoire de dix ans, v. III. Paris, 1844, p. 228—289.

²² «Gazette des Tribunaux», N 2207, 9 septembre 1832; «Mémoires de Gisquet», v. III, p. 382—386.

²³ «La Société des Amis du peuple. De la civilisation». Paris, 1832, p. 17.

²⁴ «Mémoires de Gisquet», v. II, p. 127—128.

²⁵ S. Bernstein. Blanqui. Paris, 1970, p. 52.

²⁶ «Procès du droit d'association...», p. 5—7.

²⁷ De la Hodde. Histoire des sociétés et du parti républicain de 1830. Bruxelles, 1850, p. 61—63.

даниях общества было решено организовать республиканскую манифестацию 5 мая, в день годовщины смерти Наполеона. Речь шла даже об организации вооруженного восстания²⁸. Манифестация была рассеяна полицией, но некоторые республиканцы оказали вооруженное сопротивление.

Накануне восстания в обществе не было единого мнения о путях борьбы против Июльской монархии, за республику с идеалами равенства. Гизо писал в мемуарах, что вожди республиканской партии не желали восстания и не верили в его успех. Но в массе республиканцы мало считались с мнением вождей, многие из которых, хотя и были увлечены движением масс, «не имели ни мужества овладеть им, ни силы сдержать его»²⁹. В мае 1832 г. состоялся судебный процесс над двумя членами «Общества друзей народа», литератором Госсюром-Депрео и Артуром Бомоном, доктором медицины. Их обвиняли в написании и издании брошюры «Польша мертва — теперь наш черед», вышедшей под грифом общества. В июле общество опубликовало брошюру об этом майском процессе³⁰. В брошюре привлекает внимание речь Бомона, которая не была произнесена. Выступая от имени «Друзей народа», Бомон подчеркнул, что общество требует провозглашения республики, но не спартанской, афинской или той, которую провозгласил Кромвель, а республики 1793 г. В этой республике, основанной на всеобщем избирательном праве, все будут равны, так как люди рождаются равными, и законы будут на стороне слабых против сильных. Суверенитет нации не должен быть пустым звуком. В каждом департаменте народ должен избирать префектов, мэров, всю администрацию. Надо ввести равенство всех перед законом, освободить от налогов предметы потребления, добиться свободного развития каждой профессии. Социальные требования выражены значительно туманнее: они направлены против роскоши богачей, высоких окладов чиновников³¹.

Такая программа не удовлетворяла членов секций «прав человека», возникших после лионского восстания³².

Внутри общества усиливались разногласия. Происходили бурные заседания в связи с требованием секционеров, в большинстве рабочих, принять их в действительные члены «Общества друзей народа». Одни требовали сплотиться с «храбрыми рабочими», другие стремились ограничиться теоретическими дебатами, большинство «Друзей народа» не желало идти по пути восстания³³. Очередное заседание общества 1 июня было сорвано полицией, а его участники — 31 человек — были арестованы, двое — Бомон и Делонэ — были ранены в схватке с полицейскими.

3 июня был опубликован протест против закрытия зала и ареста членов общества. Он был подписан Планьолем, Тестом, О. Коном, Аврилем, Лебоном, Сюжье и другими³⁴. Следует подчеркнуть, что левые элементы общества, часть которых была связана с Буонарроти, укрепляли связи с рабочими. Франсуа Сюжье, в прошлом рабочий-пильщик, был организатором регулярных собраний рабочих табачной мануфактуры. Последнее такое собрание перед восстанием было 2 июня. Им руководили рабочий Бери и художник Гардес. Читали газеты и брошюры, обсуждался вопрос о необходимости поднять вооруженное восстание, чтобы свергнуть монархию и установить республику. Бери и Гардес

²⁸ P. Thureau-Dangin. Histoire de la monarchie de Juillet, v. II. Paris, 1884, p. 117.

²⁹ Fr. Guizot. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, v. II. Paris, 1858, p. 335—336.

³⁰ «Gazette des Tribunaux», N 2114, 25 mai 1832.

³¹ «La Société des Amis du peuple. Procès soutenu au nom de cette société par Gaussuron-Despreaux et Beaumont». Juillet 1832, p. 16, 20.

³² Rittiez. Op. cit., v. II, p. 8—9.

³³ «Moniteur Universel», 2 juin 1832; «Mémoires de Gisquet», v. II, p. 239; Rittiez. Op. cit., p. 9—10.

³⁴ «Mémoires de Gisquet», v. II, p. 139—140.

через несколько дней сражались на баррикадах³⁵. О сближении республиканцев с рабочими и привлечении последних на путь политической борьбы говорит и другой пример. 29 мая был арестован рабочий-столяр Бессон в момент, когда он наклеивал на улице афишу-плакат «Бегство Луи Филиппа». Дома при обыске у него нашли 10 экземпляров брошюры «Общества друзей народа» под названием «К народу!»³⁶.

30 мая был убит на дуэли талантливый математик Эварист Галуа, незадолго до этого освобожденный из тюремного заключения, которое он отбывал за республиканские выступления в 1831 г. Молодой профессор математики, ему едва исполнился 21 год, был членом «Общества друзей народа». На его похоронах, состоявшихся 2 июня, присутствовало 2 или 3 тыс. республиканцев. У могилы с речью выступил Планьольт³⁷. В это время, по образному выражению Виктора Гюго, Париж был «похож на артиллерийское орудие: когда оно заряжено, достаточно искры, чтобы последовал залп. В июне 1832 года такой искрой оказалась смерть генерала Ламарка»³⁸.

* * *

2 июня умер генерал Ламарк. Противник Веллингтона в Испании и герой Ватерлоо, Максимилиан Ламарк, соединяя мужество солдата и красноречие оратора, пользовался большой популярностью и был одним из самых видных депутатов оппозиции.

Депутаты оппозиции решили придать похоронам Ламарка торжественный и народный характер. Республиканцы также стремились, как писала «National», противопоставить похороны Ламарка «напыщенной комедии похорок Казимира Перье»³⁹. Члены секций «прав человека» не исключали возможности вооруженного восстания. Легитимисты и бонапартисты стремились использовать народные волнения в своих интересах. 3 июня в обществе «Aide toi, et le ciel t'aidera» собрались представители оппозиции, левые журналисты, республиканцы из народных обществ. Было решено придать похоронам массовый характер, пригласив участвовать в них все ассоциации, национальных гвардейцев, корпорации рабочих. Был разработан маршрут похорон.

По требованию революционных республиканцев 4 июня несколько членов «Общества друзей народа» собралось на бульваре Бон-Нувель. После жарких споров было решено восстание не начинать, но если произойдет столкновение с правительственными силами, то вступить в борьбу. Для этого, рассказывает Луи Блан, было решено установить связь по всему бульвару, а «гражданин, чье имя будило великие революционные воспоминания», в целом не одобрял восстание, но взялся «собрать некоторое количество храбрых рабочих», вместе с которыми он смог бы в случае волнений поднять предместье Сен-Марсо⁴⁰.

В подготовке к участию в похоронах особенно активно действовали «Общество июльских борцов, требующих вознаграждения» и «Галльское общество». Первое из них во главе с О. Рейи, объединявшее до 5 тыс. человек, закупило 6 тыс. кремней для ружей, 48 дюжин кокард и др. Общество решило участвовать в процессии с красным знаменем⁴¹. Подобные меры были приняты и руководителем «Галльского общества»

³⁵ «Gazette des Tribunaux», N 2261, 11 novembre 1832.

³⁶ «Gazette des Tribunaux», N 2202, 4 septembre 1832.

³⁷ Dupuy. La vie d'Evariste Galois.—«Annales scientifiques de L'Ecole normale supérieure», v. 13. Paris, 1896, p. 251.

³⁸ В. Гюго. Отверженные.—В. Гюго. Собр. соч., стр. 532.

³⁹ L. Blanc. Op. cit., p. 289—290; «Procès des vingt-deux accusés du cloître Saint-Mery, événements des 5—6 juin 1832». Paris, 1832, p. 145.

⁴⁰ L. Blanc. Op. cit., p. 292—393. Видимо, речь идет о Дантоне.

⁴¹ «Gazette des Tribunaux», N 2274, 26—27 novembre 1832. О. Рейи в ноябре был осужден на ссылку.

Тьельманом. Многие республиканцы решили явиться на сборные пункты с оружием. У самого Тьельмана при аресте было найдено письмо, в котором говорилось о подготовке к 5 июня и о явке на похороны с оружием⁴². Следствие установило, что член «Галльского общества» Лепен, бывший служащий таможни, накануне восстания уговаривал рабочих явиться на похороны генерала Ламарка вооруженными. Он утверждал при этом, что армия на стороне республиканцев и на площади Бастилии будет провозглашена республика⁴³.

Многие политические клубы приняли решение участвовать в похоронной процессии. Почти всюду сказывалось влияние членов «Общества друзей народа». Так, в похоронном шествии принимало участие возникшее в 1831 г. «Общество для бесплатного обучения народа». 4 июня, накануне восстания, оно избрало новый состав комитета, в который вошли видные деятели парламентской оппозиции. В заседании приняли участие свыше 2 тыс. студентов и рабочих, а также связанные с «Обществом друзей народа», известные своей дружбой с Буонарроти Вуайе д'Аржансон и Шарль Тест⁴⁴.

Принять участие в похоронах генерала Ламарка готовились и учащиеся Политехнической школы, среди которых было много республиканцев, а также демократические группы политических эмигрантов — поляков, итальянцев, испанцев и немцев.

Однако не было ни плана, ни определенного решения о восстании, хотя префект полиции Жиске и писал, что все было продумано «до мельчайших деталей», а Делаод утверждал, что даже был составлен список нового правительства⁴⁵. Но революционное возбуждение было настолько очевидно, что власти принимали на случай восстания меры для его подавления силой. Национальная гвардия получила предписание занять места по пути следования похоронного шествия. Вся полиция была поднята на ноги. Начальник национальной гвардии маршал Лобо привел войска в боевую готовность; в казармах ждали приказа к выступлению⁴⁶. По подсчетам Луи Блана, для подавления восстания были выделены, не считая национальной гвардии, 6 линейных полков и 3 полка легкой пехоты (18 тыс. солдат), 8 кавалерийских полков (4 тыс. человек) и 2 тыс. кавалерии и пехоты муниципальной гвардии, всего, таким образом, 24 тыс. солдат и офицеров. Кроме того, вокруг Парижа были приведены в боевую готовность 30 тыс. солдат и 6 тыс. национальных гвардейцев. Следовательно, в случае восстания правительство могло рассчитывать на вооруженные силы числом 60 тыс. человек, включая линейные войска, пехоту, кавалерию и артиллерию⁴⁷.

* * *

Рано утром 5 июня весь Париж, казалось, был на ногах. Сотни и тысячи людей — рабочие и солдаты, ветераны войны, врачи и адвокаты, студенты, учителя, журналисты и депутаты — спешили на улицу Сент-Оноре, к дому генерала Ламарка. Народные общества, среди которых выделялось «Общество друзей народа», явились со своими знаменами. Сотни знамен различной формы и цветов развевались в воздухе: люди с трехцветными флажками, зелеными ветками, с оружием формировали отряды, выбирали начальников. К 10 часам утра улицы Сент-

⁴² «Moniteur Universel», 23 juin 1832. Тьельман, как и Маршан, его заместитель, были приговорены каждый к семи годам тюрьмы.

⁴³ «Gazette des Tribunaux», N 2225, 30 septembre 1832. Лепен был приговорен к пяти годам тюрьмы.

⁴⁴ «Le Constitutionnel», N 189, 7 juin 1832; G. Perreux. Aux temps des Sociétés secrètes. Paris, 1931, p. 54.

⁴⁵ «Mémoires de Gisquet», v. II, p. 166; De la Hodde. Op. cit., p. 76.

⁴⁶ «Moniteur Universel», 7 et 20 juin 1832; «Mémoires de Gisquet», v. II, p. 167—169.

⁴⁷ L. Blanc. Op. cit., v. III, p. 294—295.

Оноре и Риволи, площади Конкорд и Королевская были переполнены участниками похорон. Здесь было до 10 тыс. национальных гвардейцев с траурным крепом на рукавах, вооруженных саблями, политические эмигранты Польши, Италии, Германии, Испании с национальными знаменами, рабочие корпорации со своими знаменами и девизами. На одной стороне знамени корпорации красильщиков было начертано: «Красильщики генералу Ламарку», на другой — «Свобода! Общественный порядок!» За красильщиками шли представители особенно большой корпорации типографщиков со знаменем, надпись на котором гласила: «Типографщики — генералу Ламарку, защитнику свободы печати!» Шли корпорации пивоваров и шляпников. В окнах многих домов были вывешены траурные флаги⁴⁸.

Трудно сказать, сколько людей собралось. Кабе, например, писал, что 150 тыс. человек следовало за гробом, помимо 200—300 тыс. зрителей на бульварах, на деревьях, в окнах домов, на балконах и крышах⁴⁹.

Торжественно и мрачно была настроена толпа, в которой члены народных обществ выделялись своей готовностью к борьбе; многие прятали пистолеты или кинжалы. Неустойчивая и дождливая погода, казалось, усиливала тяжелое ощущение приближавшейся грозы, готовой ежеминутно разразиться. Марраст писал, что на похоронах была представлена «вся Июльская революция, явившаяся востребовать свои непризнанные права и грозившая мстью своим врагам»⁵⁰. Народный характер похорон Ламарка подчеркивался явным пренебрежением к ним со стороны королевского двора и правительства, всего два батальона эскортировали умершего генерала и видного депутата. Официальные власти в ряде случаев даже запрещали участвовать в похоронах: так, учащиеся Политехнической школы оказались запертыми в здании, а начальник школы генерал Толозе вместе с офицерами следил за тем, чтобы ни один учащийся не покинул здания⁵¹. Некоторые командиры легионов национальной гвардии также запретили своим подчиненным участвовать в похоронном шествии, так поступил, например, полковник Жильбер де Вуазен, командир 7-го легиона. «Запретили бы и народу, — писал Э. Кабе, — если бы могли»⁵². В правительственных и близких правительству газетах не был опубликован даже некролог генералу Ламарку.

Полиции пришлось ретироваться еще до начала шествия. Из рядов секционеров «Общества друзей народа» и членов других народных обществ раздавались возгласы: «Да здравствует республика!», «Долой дряблую грушу!», «Долой Луи Филиппа!» Полицейским пришлось укрыться за решетками Тюильрийского сада. «Друзья народа» пытались привлечь на свою сторону солдат⁵³.

Наконец, corteж двинулся в путь. Лозунг «Да здравствует республика!» все чаще и громче раздавался в рядах демонстрантов. В решительном поведении народа была такая грозная и могучая сила, что многие считали дело правительства Луи Филиппа конченным. В отряде студентов кто-то спросил: «Куда же мы, наконец, идем?» — «К республике! — был ответ. — И будьте уверены, что сегодня вечером мы будем ужинать в Тюильрийском дворце». «Сама Июльская революция, — добавляет Луи Блан, — в своем начале не представляла такого внушительного и страшного зрелища»⁵⁴.

⁴⁸ «Le Constitutionnel», N 156, 6 juin 1832.

⁴⁹ E. Cabet. La Révolution de 1830 et la situation présente (mai 1833), v. II. Paris, 1833, p. 26. Кабе, близкий в то время к «Обществу друзей народа», был одним из распорядителей на похоронах.

⁵⁰ L. Blanc. Op. cit., p. 295; A. Marrast. Op. cit., p. 301

⁵¹ Pinet. Histoire de l'Ecole polytechnique. Paris, 1877, p. 194.

⁵² «Revue Rétrospective», v. XIX. Paris, 1887, p. 280—281; E. Cabet. Op. cit., p. 25.

⁵³ «Moniteur Universel», 7 et 20 juin 1832; Rittiez. Op. cit., p. 12. В карикатурах голлову Луи Филиппа изображали в виде дряблой груши.

⁵⁴ L. Blanc. Op. cit., p. 297.

Когда процессия достигла площади Бастилии, из Сент-Антуанского предместья к ней присоединились 500—600 рабочих. В это время раздались крики: «Да здравствует республика!». «Да здравствует школа!» — более 60 учащихся Политехнической школы без фуражек, в изорванных мундирах присоединились к кортежу. Они вырвались из здания школы, оттолкнув офицеров и взломав двери. Полковой оркестр, следовавший за гробом, заиграл «Марсельезу», запрещенную уже более года правительством Июльской монархии⁵⁵.

Гейне писал об «устрашающем впечатлении», которое производил вид молодежи высших школ Парижа, членов «Общества друзей народа» и других республиканцев, оглашавших воздух «страшными ликующими кликами»⁵⁶.

Кортеж остановился у Аустерлицкого моста: здесь была воздвигнута эстрада, обтянутая траурной материей и украшенная трехцветными флагами. Друг умершего, Ф. Лепелетье прочел некролог. От имени армии выступил маршал Клозель, от палаты депутатов — Могэн и Пон де л'Эро. С речами выступили представители политических эмигрантов, которых Ламарк всегда защищал в палате: от поляков — Лелевель и генерал Юминский, от португальцев — генерал Саланда, от итальянцев — генерал Серконьяни, от испанцев — Флорез-Эстрада и от немцев — Гарнье из Бадена. Они возложили на гроб Ламарка свои национальные знамена. От имени учащихся школ выступил Видо, заявивший, что «1832 год будет также иметь свой Июль»⁵⁷. Слова Видо были встречены возгласами: «Да здравствует республика!», «Долой Луи Филиппа!».

Затем с краткой речью выступил генерал Лафайет, чтобы сказать «несколько слов в честь нашего коллеги и в память революций 1789 и 1830 гг.»⁵⁸.

Речь Лафайета, участника двух революций, еще больше воодушевила народ. Среди окружавших эстраду десятков тысяч людей распространился слух о том, что у Ратуши уже идет борьба, что генерал только что провозгласил республику и что против Луи Филиппа поднялись войска⁵⁹. Эстрадой овладели республиканцы, которые обвиняли правительство, говорили об обмане масс в дни Июльской революции и требовали провозглашения республики⁶⁰. Слова выступавших терялись в возраставшем шуме толпы, обеспокоенной появлением драгун на другом берегу Сены. Быстро распространился слух, будто старый генерал поведет народ в Ратушу, чтобы провозгласить республику. Воздух огласился криками: «Да здравствует Лафайет!», «Да здравствует республика!», «Долой Луи Филиппа!» Возбуждение стало всеобщим. Внезапно появился всадник, с трудом пробиравшийся к эстраде среди невероятной толкотни и давки. Одетый в черное, опоясанный красным поясом, он держал в руках красное знамя, обшитое бахромой, с надписью: «Свобода или смерть». В сопровождении нескольких лиц, один из которых также нес красное знамя, всадник подъехал к гробу и склонил над ним знамя. Кто-то из толпы надел на древко знамени красный фригийский колпак — символ свободы 1793 г. Одновременно на другом конце площади также было развернуто красное знамя, увенчанное фригийским колпаком. По сообщению одной газеты, красное знамя было поднято «Обществом друзей народа»⁶¹.

⁵⁵ *Pinet*. Op. cit., p. 194—195.

⁵⁶ *Г. Гейне*. Французские дела. — *Г. Гейне*. Собр. соч., т. 5, стр. 358.

⁵⁷ «*Procès du Corsaire. Procès de National*». Paris, 1832, p. 23—24.

⁵⁸ *Lafayette*. Mémoires, correspondances et manuscrits, v. VI. Paris, 1838, p. 668.

⁵⁹ *Rutiez*. Op. cit., p. 14; *L. Blanc*. Op. cit., v. III, p. 229. Не исключено, как считает Луи Блан, что подобные слухи распространялись легитимистами. Так же полагал и Кабе (*E. Cabet*. Op. cit., p. 27).

⁶⁰ «*Gazette des Tribunaux*», N 2126, 7 juin 1832.

⁶¹ «*Annuaire historique universel pour 1832*», publié par Lesur, 1ère partie. Paris, 1834, p. 191; «*Journal du commerce*», 6 juin 1832.

Появление красного знамени вызвало страшное волнение. По выражению Гюго, оно «вызвало бурю и скрылось в ней». Многие лидеры буржуазных республиканцев пошли на поводу у орлеанистских публицистов, для которых красное знамя олицетворяло террор 1793 г. Это оттолкнуло многих буржуазных республиканцев от дальнейшего участия в похоронной процессии⁶².

Между тем к площади приближались драгуны. Член «Общества друзей народа» Жюль Бастид, возглавивший отряд бывших артиллеристов, уволенных за республиканские убеждения, воскликнул: «Товарищи мои, настало время снова одержать победу над деспотизмом; пусть каждый выполнит свой долг, и мы завоюем свободу»⁶³. В суетоке гроб Ламарка в сопровождении отряда муниципальной гвардии был направлен в Мон-де-Марсан. Не без труда, с помощью драгун генералу Лафайету удалось выбраться.

Драгуны напали на толпу, со всех сторон раздались крики: «К оружию!», «На баррикады!» Другой отряд драгун начал стрельбу вдоль Бурбонского бульвара. Рабочие и республиканцы поспешно построили против Хлебного рынка баррикаду из нескольких опрокинутых повозок⁶⁴. Безоружные вырывали колья из палисадных. С крыши домов в драгун бросали камни. Молодой республиканец Араго, брат знаменитого ученого, поднял трехцветное знамя и увлек за собой в атаку многих национальных гвардейцев. Драгуны отступили. Люди, охваченные ужасом и негодованием при виде раненых, вооружались. Раздавались крики: «Король — подлец, он стреляет в народ!», «Да здравствует республика!»⁶⁵ Республиканцы по всему городу призывали граждан к оружию.

Париж мгновенно был охвачен огнем вооруженного восстания. Оно было таким мощным и напористым, что через два часа после нападения драгун у Аустерлицкого моста половина Парижа, по словам префекта полиции Жиске, была в руках восставших⁶⁶.

* * *

Значительная часть Парижа покрылась баррикадами. В одном только квартале Рышков появилось сразу 27 огромных баррикад. На левом берегу Сены республиканцы захватили казарму Ветеранов и распределили между собой найденное там оружие. Другой отряд республиканцев овладел пороховым складом⁶⁷. На правом берегу Сены республиканцы захватили Арсенал, почты Галиот и Шато д'О. Весь квартал Марэ был во власти восставших: отряд в 200 республиканцев овладел мэрией VIII округа, захватив там оружие; на улице Попэнкур приступом была захвачена оружейная фабрика, где республиканцы взяли 1200 ружей. Под руководством Бастиды на улице Сен-Мор была захвачена другая оружейная фабрика. Оружие и порох распределялись между отрядами восставших. Восстание охватило предместья Сент-Антуан, Сен-Жак, Сен-Марсо, распространилось на кварталы Монмартра и Сен-Дени. По свидетельству Жиске, восставшие захватили более 4 тыс. ружей⁶⁸.

К вечеру 5 июня, овладев восточной частью Парижа, инсургенты дошли до площади Победы, где началась подготовка к осаде банка, поч-

⁶² L. Blanc. Op. cit., p. 299—300; M. Dommanget. Histoire du drapeau rouge dès origines à la guerre de 1939. Paris, 1967, p. 59. Орлеанист Боден писал: «Emblème sinistre, il semblait annoncer le retour les excès de 93; c'est fut assez pour les espérances des républicains» (A. Baudin. Histoire de Louis-Philippe, v. II. Paris, 1847, p. 188).

⁶³ Rittiez. Op. cit., p. 15.

⁶⁴ «Gazette des Tribunaux», N 2126, 7 juin 1832.

⁶⁵ «Gazette des Tribunaux», N 2202, 3—4 octobre, 1832.

⁶⁶ «Mémoires de Gisquet», v. II, p. 177. «Похороны Ламарка,— писали «Московские ведомости»,— послужили друзьям безначалия предлогом к бунту» (№ 50, 22 июня 1832 г.).

⁶⁷ «Mémoires de Gisquet», v. II, p. 177.

⁶⁸ «Gazette des Tribunaux», N 2745, 21 juillet 1832; «Mémoires de Gisquet», p. 180.

тамта, казармы Пти-Пэр. Опорным пунктом восстания была улица Сен-Мартен и прилегающий к ней район. На углу улиц Сен-Мартен и Обри-ле-Буше к семи часам вечера из опрокинутых телег и строительного материала возводившегося рядом дома была построена гигантская баррикада, ставшая наиболее опасным очагом восстания⁶⁹.

Весь Париж был охвачен революционным брожением. Жизнь города замерла, лавки и магазины закрылись. На улицах маршировали войска, на площадях устраивались бивуаки. Движение на улицах, перегороженных баррикадами, прекратилось; становилось темно: фонари были разбиты. Но борьба продолжалась. Правительство назначило маршала Лобо, начальника национальной гвардии, командующим всеми вооруженными силами для подавления восстания. К шуму оружейной стрельбы вечером присоединился грохот орудийных залпов: напуганное правительство пустило в ход артиллерию⁷⁰. Многие считали, что часы Июльской монархии сочтены⁷¹. Австрийский посол граф Аппони записал в своем дневнике 5 июня, что завтра он, может быть, проснется во Французской республике⁷². Правительство не могло быть вполне уверенным в своих вооруженных силах. Солдаты хорошо помнили июльские дни 1830 г. и снова видели пламенный энтузиазм народа. В ряде случаев солдаты и национальные гвардейцы отказывались атаковать республиканцев и не открывали огонь⁷³. Среди восставших были и военные⁷⁴. Большое впечатление производила также революционная экзальтация и беззаветная храбрость сражавшихся рабочих и республиканцев, которые, по словам Гейне, «творили чудеса храбрости». Хотя 5 июня рабочие в массе своей еще не поднялись, но уже на следующий день пролетариат стал главной силой восстания вместе с революционной интеллигенцией. Успеху республиканского дела способствовала и растерянность, охватившая правительственные круги в первый день восстания⁷⁵.

Однако, вопреки утверждениям правительственных газет и орлеанистских публицистов, республиканское восстание 1832 г. не имело ни руководящего центра, ни единых руководителей⁷⁶. Оно было стихийным выражением революционного недовольства масс. Многие вожди республиканцев, близкие к буржуазной оппозиции, как Арман Каррель и другие, не верили в успех восстания и не приняли в нем участия⁷⁷. Крупнейшие деятели «Общества друзей народа», как Блашки, Кон и другие, отбывали тюремное заключение. Из руководителей республиканского движения в восстании участвовали: Делонэ, один из основателей «Общества друзей народа», убитый во время боев; молодой Шарль Делеклюз, через 40 лет трагически погибший в дни Парижской Коммуны, и Адольф Тибодо, сын члена Конвента⁷⁸. Но они сражались на баррикадах, и от-

⁶⁹ *L. Blanc*. Op. cit., p. 303—304.

⁷⁰ «*Gazette des Tribunaux*», N 2426, 7 juin 1832.

⁷¹ *Fr. Guizot*. Op. cit., p. 342.

⁷² «*Journal du comte Rodolph Appony. 25 ans à Paris (1825—1852)*», v. II. Paris, 1913, p. 209.

⁷³ По признанию генерала Ледэ, он не мог увлечь за собой солдат («*Revue rétrospective*», v. XIX, p. 81—82).

⁷⁴ «*Moniteur Universel*», 11 juillet 1832; «*Mémoires de Gisquet*», v. II, p. 178.

⁷⁵ «*Journal du maréchal de Castellane (1804—1882)*», v. III. Paris, 1886, p. 433.

⁷⁶ «Это было обдуманное восстание, заранее подготовленное, обеспеченное оружием и руководимое стратегами партии», — писал, например, Гренье («*Grenier. Situation du gouvernement et du pays, au commencement de l'année 1832*. Paris, 1833, p. 61—62). См. также *P. Thureau-Dangin*. Op. cit., p. 123.

⁷⁷ *Oeuvres politiques et littéraires d'Armand Carrel*, v. III. Paris, 1947, p. 135—137. Каррель решительно отказался принять участие в восстании, заявив, что «законная республика невозможна». Вейль не прав, говоря о колебании Карреля (см. *Вейль. История республиканской партии с 1814 по 1870 г. М., 1906, стр. 79*). Годфруа Кавеньяк тоже держался в стороне от восстания.

⁷⁸ Капитан национальной гвардии Тибодо сражался на баррикаде у монастыря Сен-Мерри, где был взят в плен. После трехмесячного заключения был выслан из Франции и жил потом в Англии. — «*Revue Rétrospective*», v. XIX, p. 279.

существование твердого и единого руководства стало одной из главных причин поражения республиканского восстания 1832 г.

Между тем правительство начало принимать меры. Совет министров заседал непрерывно. Военный министр маршал Султ и министр внутренних дел Монтилизэ настаивали на энергичных мерах. Особую роль играл Тьер, приобретавший первый опыт в подавлении движения рабочих и республиканцев. Он явился в штаб национальной гвардии, беседовал с солдатами, уверял их в слабости республиканцев и даже сам распределял патроны среди национальных гвардейцев⁷⁹.

Хотя город был наводнен солдатами, маршал Лобо вызвал в Париж войска, расположенные в окрестностях. Из Сен-Дени был отправлен в Париж батальон 12-го полка, из Курбеуа спешил 14-й полк легкой пехоты, из Венсенна были отправлены значительные запасы оружия⁸⁰. Войска под руководством генералов Ледэ и Делессера заняли площадь Победы, установив снова посты у важных зданий. Улица Фейяд была забаррикадирована экипажами и водовозными телегами. На улице Пти-Пэр также была баррикада, и 14-й полк был здесь встречен выстрелами; после перестрелки, к вечеру, баррикада была взята. Оба генерала не решились на ночную борьбу и остановились на площади Победы. Солдатам раздали хлеб и вино⁸¹. Маршал Лобо не знал сил восставших и боялся рисковать солдатами в ночное время. К концу дня 5 июня правительству удалось занять вход на улицу Клеры, в районе Сен-Мартен, где расположился с четырьмя ротами генерал Шрамм⁸².

Большая часть города между бульварами и Сеной, от улицы Монмартр до половины Сент-Антуанского предместья находилась в руках повстанцев⁸³. К 8 часам вечера они построили баррикаду у маленького моста около Отель-Дьё, заставили с боем отступить отряд 25-го линейного полка и муниципальной гвардии и осадили префектуру полиции.

Новые успехи восставших вызвали страх и смятение в Тюильрийском дворце. Победа республиканцев казалась вероятной, боялись присоединения к восстанию генерала Лафайета и маршала Клоделя. Современники писали о «колебаниях маршала Сульта, военного министра»⁸⁴. К 9 часам вечера прибыл, наконец, Луи Филипп. Страх вновь оказаться в томительном изгнании придавал ему силы, и он решил идти на все для спасения короны. При свете факелов он провел смотр войск на площади Карусели⁸⁵. Было решено закрыть оппозиционные газеты и конфисковать материал, предназначенный на 6 июня. «Tribune», «Quotidienne», «Courrier de l'Europe» были конфискованы; на следующий день были конфискованы «National», «Journal du Commerce», «Courrier français»⁸⁶. В полночь в Тюильри собрался совет министров. Обсуждался вопрос о введении осадного положения в Париже. Вне кабинета эту крайнюю меру усиленно поддерживали Гизо и Тьер⁸⁷.

К полуночи силы восставших сконцентрировались в трех главных местах: 1) район улицы Монмартр, Монт-Оргейль начиная с улицы Кадран и до рынка Невинных; 2) район монастыря Сен-Мерри, улицы Сен-Мартен и его окрестностей; 3) район у входа в Сент-Антуанское пред-

⁷⁹ *Beaumont-Vassy. Histoire de mon temps*, v. II. Paris, 1885—1886, p. 98.

⁸⁰ *L. Blanc. Op. cit.*, p. 307.

⁸¹ «Moniteur Universel», 15 juin 1832; «Rapport du général Delessert». — «Revue Rétrospective», v. XIX, p. 75.

⁸² «Moniteur Universel», 13 juin 1832; *L. Blanc. Op. cit.*, p. 307.

⁸³ «Mémoires de Gisquet», v. II, p. 185.

⁸⁴ *D'Alton Shée. Mes mémoires*. Paris, 1869, p. 122; *L. Blanc. Op. cit.*, p. 308—309.

⁸⁵ «Moniteur Universel», 7 juin 1832.

⁸⁶ «Le Constitutionnel», N 189, 7 juin 1832.

⁸⁷ «Gazette de France», 12—13 juin 1832. Правительство не сразу решилось ввести осадное положение, так как слишком памятливы были июльские ордонансы Карла X.

месте⁸⁸. Во всех этих районах высились гигантские баррикады. В центре старого Парижа, где узкие улицы возле церкви и монастыря создавали почти лабиринт⁸⁹, две баррикады преграждали улицу Сен-Мартен: одна — на севере, у улицы Мобюэ, другая, большая, — на юге улицы у монастыря Сен-Мерри. В нескольких шагах от старой церкви Сен-Мерри и Обри-ле-Буше находился дом № 30, нижний этаж которого занимали 110 инсургентов и который им служил одновременно штаб-квартирой, цитаделью и перевалочным пунктом⁹⁰. Из окон второго этажа этого дома республиканцы стреляли в наступающих солдат. Руководителем этой замечательной баррикады стал самоотверженный республиканец Жанн. Сын бедных родителей, участник Июльской революции, Жанн участвовал в народных движениях после революции, выступая в защиту бастующих рабочих. Будучи свидетелем стрельбы драгун в мирных демонстрантов на похоронах Ламарка, Жанн взялся за оружие. На улице Сен-Мартен к нему присоединились другие повстанцы, они и построили большую баррикаду⁹¹.

Вскоре на баррикаду Сен-Мерри стали наступать солдаты. Несколько атак правительственных отрядов, численно превосходивших силы республиканцев, были отбиты. Войска отступили. Наступила ночь. Город, казалось, замер, стычки прекратились. Но ряды инсургентов поредели. Не видя руководства, многие мелкобуржуазные республиканцы отказались от борьбы. Остались самые бесстрашные, беззаветные борцы за республику; войска готовились к нападению, а инсургенты укрепляли баррикады, отливали пули и готовились к мужественной борьбе.

* * *

Передышка была короткой, и ночью борьба возобновилась. Командование решило воспользоваться ночным временем, рассчитывая на ослабление сил защитников баррикад⁹². Перед баррикадой Сен-Мерри в половине третьего утра появились войска линейной пехоты. Республиканцы поднялись на третий этаж дома № 30. Из окон на солдат посыпался град пуль и камней. Новое наступление было отбито дружным оружейным огнем под крики: «Да здравствует республика!»⁹³ К 4 часам утра войска атаковали инсургентов в квартале Монмартр, а также большую баррикаду у входа в пассаж дю Сомон. Кафе на улице Монмартр было переполнено ранеными республиканцами, а позади баррикады было больше трупов, чем бойцов. Вскоре баррикада была взята; кое-кто спасся, остальные были убиты. О героизме этой горсточки республиканцев можно судить по тому, что их баррикада была взята двумя полками линейных войск и двумя легионами национальной гвардии. В ближайших домах было арестовано 250 инсургентов и найдено много оружия⁹⁴. Не менее ожесточенная борьба еще с вечера 5 июня шла у маленького моста Отель-Дьё. Здесь забаррикадировались 17 республиканцев, защищаясь всю эту страшную дождливую ночь. Только к утру баррикада была взята огромной колонной национальных гвардейцев. 15 захваченных республиканцев были растерзаны озверевшими лавочниками на куски и брошены в Сену; двое бежавших были настигнуты и зверски убиты⁹⁵.

⁸⁸ «Mémoires de Gisquet», v. II, p. 168.

⁸⁹ A. Marrast. Op. cit., p. 302; L. Blanc. Op. cit., p. 314—315.

⁹⁰ «Procès des vingt-deux accusés...», p. 12.

⁹¹ Ibid., p. 18, 57, 98—100.

⁹² «Mémoires de Gisquet», p. 191—192.

⁹³ Луи Блан писал: «Экзальтация республиканцев не имела границ и, казалось, с опасностью увеличивалась. Сражавшийся среди них мальчик 12-ти лет был серьезно ранен в голову, но Жанн не мог, несмотря на настойчивые просьбы, заставить его покинуть баррикаду» (L. Blanc. Op. cit., v. III, p. 317).

⁹⁴ «Moniteur Universel», 15 juin 1832.

⁹⁵ L. Blanc. Op. cit., p. 319. Гейне писал, что он «всю ночь провел без сна, стрельба продолжалась почти беспрерывно».

К утру 6 июня инсургенты держались только на площади Бастилии, у входа в предместье Сент-Антуан и в районе Сен-Мартен. Однако ночные операции не везде прошли с успехом. На улице Сент-Антуан высилась такая большая баррикада, что войска без артиллерии не решились ее атаковать⁹⁶. Сюда были направлены 2—3 тыс. пехотинцев, кавалерия и артиллерия под начальством генерала Шрамма. Войска продвигались медленно, и только к 6 часам вечера инсургенты были здесь разбиты и баррикады пали. Солдаты обыскивали каждый дом, арестовывая «подозрительных». Пленных избивали до смерти⁹⁷.

Главной ареной борьбы 6 июня был район улицы Сен-Мартен, баррикада Сен-Мерри. Горсточка героев в 60 человек весь день выдерживала атаки войск. Страшная борьба «продолжалась почти два дня, столько же, как битва при Ваграме, и дольше, чем битва при Маренго»⁹⁸. Площадь Людовика XV была загромождена артиллерией, новые два батальона спешили в Париж из Сен-Клу, из Версаля явился пехотный полк с артиллерийской батареей и три кавалерийских полка⁹⁹. Генерал Себастиани во главе трех полков пехоты с 9 часов утра вновь атаковал баррикады на улице Сен-Мартен. Эти новые атаки были отбиты¹⁰⁰. Генерал потребовал артиллерию: пушечными ядрами он надеялся разбить массу камней, нагроможденных перед церковью Сен-Мерри. Солдаты открыто выражали свои симпатии республиканцам¹⁰¹.

Баррикада прекрасно защищалась. Двое республиканцев, в том числе девушка, подавали с балкона сигналы о приближении солдат, и ни разу повстанцы не были застигнуты врасплох¹⁰². Но их оставалось все меньше и меньше, а надежды на помощь уже не было. Тем не менее, когда один из инсургентов, солдат Вигуру, предложил желающим уйти, ни один из бойцов не сдвинулся с места¹⁰³. Жанн продолжал героически сражаться. Один из инсургентов, мучимый голодом, спросил у Жанна хлеба. «Хлеба? — ответил Жанн, — сейчас три часа, а в четыре нас уже не будет в живых», — и продолжал стрелять. И действительно, к 4 часам, когда баррикада была атакована сразу со всех сторон и по ней была открыта пальба из трех пушек, дальнейшее сопротивление стало невозможным. Тогда Жанн и несколько его товарищей штыками проложили себе путь; потеряв трех человек, они вырвались из кольца и скрылись¹⁰⁴. Остальные продолжали защищаться в доме № 30, пока туда не ворвались разъяренные солдаты. 17 инсургентов были зверски заколоты штыками. Началась ужасная резня. «Лучшая кровь Франции пролилась на улице Сен-Мартен», — писал Гейне. Известны его взволнованные воспоминания о том, как в один из домов «ворвались солдаты и сломали в нем лестницу, но республиканцы, не желая сдаваться живыми в руки врагов, покончили с собой, и в плен была взята лишь комната, полная трупов». Гейне не мог сдерживать волнения, когда ему рассказывали об этом в церкви Сен-Мерри, и «заплакал как дитя...»¹⁰⁵. На баррикаде у монастыря Сен-Мерри сражались Делеклюз, Делонэ и Тибодо. Здесь вместе с революционной интеллигенцией сражались и передовые рабочие. По делу этой баррикады было привлечено всего 22 человека, ибо большинство героев было убито. Из 22 человек 13 были рабочими¹⁰⁶. Энгельс писал, что «республиканцы — герои монастыря Сен-

⁹⁶ «Moniteur Universel», 13 juin 1832; «Revue Rétrospective», v. XIX, p. 78.

⁹⁷ «Revue Rétrospective», v. XIX, p. 282.

⁹⁸ A. Marrast. Op. cit., p. 304.

⁹⁹ L. Blanc. Op. cit., p. 319.

¹⁰⁰ «Moniteur Universel», 15 juin 1832; «Mémoires de Gisquet», p. 193.

¹⁰¹ «Revue Rétrospective», v. XIX, p. 81—82.

¹⁰² «Procès des vingt-deux accusés...», p. 13.

¹⁰³ L. Blanc. Op. cit., p. 324.

¹⁰⁴ «Procès des vingt-deux accusés...», p. 104, 142—143.

¹⁰⁵ Г. Гейне. Французские дела. — Г. Гейне. Собр. соч., т. 5, стр. 359.

¹⁰⁶ «Gazette des Tribunaux», octobre 1832.

Мерри, люди, которые в то время (1830—1836) действительно были представителями народных масс». Только среди республиканцев на баррикадах, писал Энгельс, можно было найти в то время «людей будущего»¹⁰⁷.

* * *

К 5 часам вечера 6 июня восстание было подавлено. Первое вооруженное выступление республиканцев потерпело поражение. Австрийский посол Аппони, посетивший 9 июня места сражений, писал, что «вражеский город не имел бы более опустошенного, более разоренного вида, чем эти кварталы Парижа: стены изрешечены пулями, дома покинуты, двери и окна выломаны»¹⁰⁸. Биржевики торжествовали. «Вечером 6 июня,— писал Гейне,— перед широкой биржевой лестницей толпилось все спекулянтское племя... на всех лицах изображалось сладостнейшее удовлетворение: можно сказать, улыбалась вся биржа»¹⁰⁹.

Потери республиканцев были велики. Полиция начала суровую и длительную расправу над республиканцами и передовыми рабочими. Уже 6 июня Париж был объявлен на осадном положении. По указу Жиске все врачи и хирурги в течение 24 часов обязаны были донести о раненых, которых они лечат. Политехническая школа и ветеринарная школа д'Альфор были закрыты. Политические эмигранты должны были получить новые разрешения на проживание во Франции, многие были высланы, в том числе Лелевель¹¹⁰. Было возбуждено преследование против Карреля, Кабе и других, которые во избежание ареста скрылись. Преступления по делам печати, как и другие политические дела, передавались военным трибуналам. Всем жителям Парижа предложено было в течение 24 часов сдать оружие. Более года шли судебные процессы, связанные с июньскими днями 1832 г. Из 260 обвиняемых в участии в восстании рабочих и мелких ремесленников было 191. Рабочих было, вероятно, больше, так как в отношении 48 обвиняемых не была указана профессия. Из 32 лиц, переданных военным трибуналам, четверо были приговорены к смертной казни, 10 — к каторге сроком от 10 до 20 лет, 12 — к тюремному заключению сроком до 10 лет; остальные были оправданы¹¹¹. По свидетельству Жиске, суды присяжных вынесли обвинительный приговор в отношении 82 человек, из которых семь были приговорены к смертной казни, замененной вечной ссылкой, четверо — к вечной каторге, пять — к 10 годам каторги, остальные — к разным срокам тюремного заключения до 10 лет¹¹². Судебные отчеты свидетельствуют о том, что передовые рабочие, мелкие ремесленники Парижа составляли главную массу восставших 5—6 июня.

Большое внимание привлек процесс 22 участников борьбы на баррикаде у монастыря Сен-Мерри. Республиканцы издали специальную брошюру с портретом главного героя этой борьбы — Жанна. Жанн с гордостью говорил об участии в восстании. Марраст в «Tribune» писал, что, «если бы восстание победило, имена таких героев, как Жанн, начертали бы на медных досках Пантеона»¹¹³. В процессе июньских инсургентов

¹⁰⁷ Письмо Ф. Энгельса к английской социал-демократической писательнице 60-х годов Маргарет Гаркнесс (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 37, стр. 37). Жалко в сравнении с героями-республиканцами выглядели депутаты оппозиции, эти «истасканные знаменитости», по выражению Гейне, во главе с Одилоном Барро: их попытки добиться от короля, с которым они встретились во время восстания, некоторых реформ кончились ничем.

¹⁰⁸ «Journal d'Appony...», v. II, p. 217.

¹⁰⁹ Г. Гейне. Французские дела.— Г. Гейне. Собр. соч., т. 5, стр. 383.

¹¹⁰ «Moniteur Universel», 7 et 10 juin 1832.

¹¹¹ «Moniteur Universel», 8 juin 1832; «Gazette des Tribunaux», 1832.

¹¹² К вечной ссылке был приговорен Жанн и руководитель «Общества июльских борцов» О'Рейн.

¹¹³ «Procès des vingt-deux accusés...», p. 8.

мы впервые встречаемся с тем, что красное знамя было объявлено «бунтарским», «мятежным». Оно стало символом классовой борьбы рабочих против буржуазных порядков. Красное знамя на июньских баррикадах 1832 г. было противопоставлено трехцветному знамени, олицетворявшему ненавистную Июльскую монархию. Его сторонники объявили себя приверженцами якобинцев Великой французской революции¹¹⁴. На процессе выяснилось, что одним из инициаторов появления красного знамени во время восстания был член руководящей группы «Общества друзей народа» Сюжье. В 1831 г. красное знамя наряду с черным было противопоставлено трехцветному, а позже стало единственным знаменем «Общества прав человека и гражданина». В 1848 г. оно стало символом социалистического характера¹¹⁵.

Июньское восстание 1832 г. сыграло значительную роль в развитии республиканского и рабочего движения¹¹⁶. Оно было первым серьезным политическим кризисом Июльской монархии, поставившим под вопрос ее существование. Оно обострило борьбу различных течений в республиканском движении и ускорило распад «Общества друзей народа», уступившего место «Обществу прав человека и гражданина», в составе которого было больше рабочих и в программе которого социальные требования звучали более резко¹¹⁷.

Восстание 5—6 июня вызвало демонстрации и столкновения в Бордо, Гренобле, Тулузе, Сен-Сире, Орияке и в других местах. Стихийность восстания, отсутствие организованной партии, необходимой связи с рабочим классом были причиной поражения республиканцев.

Уроки июньского восстания 1832 г. были учтены прежде всего бабуристами. Поражение восстания укрепило Буонарроти и его сторонников в убеждении, что успех может быть достигнут лишь при наличии сильной организации, созданной в подполье: восстание показало, что легальные формы борьбы имеют ограниченное значение. Именно поэтому Буонарроти на обломках карбонарского общества, возникшего еще в период Реставрации, стал создавать «реформированное карбонарское общество»¹¹⁸.

Тем не менее прав Ф. В. Потемкин, убедительно доказавший, что исходным моментом нового периода в истории республиканского движения было не июньское восстание 1832 г., а ноябрьское восстание лионских ткачей 1831 г., положившее начало возникновению и развитию традиции революционных восстаний пролетариата в период господства буржуазии¹¹⁹. В результате первого лионского восстания 1831 г. и июньского восстания 1832 г. на крайне левом фланге «якобинства» 1832—1834 гг. появился промышленный пролетариат, к которому стала переходить ведущая роль в революционной борьбе.

¹¹⁴ *M. Dommanget*. Op. cit., p. 59.

¹¹⁵ *G. Perreux*. Les origines du drapeau rouge en France. Paris, 1930, p. 31.

¹¹⁶ *Ф. Потемкин*. Лионские восстания. М., 1937, стр. 102.

¹¹⁷ *В. П. Волгин*. Утопический коммунизм. М., 1971, стр. 113—114; *Ф. В. Потемкин*. Промышленная революция, т. 2, стр. 101—102.

¹¹⁸ *A. Galante-Garrone*. Op. cit., p. 274; *A. Saitta*. Op. cit., v. 1, p. 149.

¹¹⁹ *Ф. В. Потемкин*. Промышленная революция во Франции, т. 2, стр. 99—103.